

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Примеры цветовых кодов	5
Цветовой код настроения	6
Примеры для раскрашивания	7
Техники раскрашивания	10
 Часть 1. Как выглядит ваша спальня?	
Знакомая модель	14
Догадки о развитии чувственности	16
 Часть 2. Вдохновение в своих корнях	
Славянская модель	28
Серебряная модель	30
Советская модель	32
 Часть 3. Вдохновение ретроспективой	
Античная модель	42
Ацтекская модель	44
Африканская модель	46
Кочевая модель (Монголия, Тибет)	48
Бразильская (тропическая) модель	50
Японская модель	52
Аборигенная модель (Австралия)	54
Берберская модель	56
Арктическая модель	58
Арабская модель	60
Океаническая (полинезийская) модель	62
Французская модель	64
Майянская модель	66
Индийская модель	68
Китайская модель	70
Шаманская модель	72
Латиноамериканская модель	74
Египетская модель	76
 Часть 4. Вдохновение современностью	
Скандинавская модель (хюгге)	82
Сингапурская модель	84
Европейская модель	86
 Часть 5. Перспективы технократической эротики	
Маскулинная модель	92
Феминная модель	94
Нейросенсорная модель	96
Водно-флюидная модель	98
Подвижно-волевая модель	100
Критическая модель пограничных ощущений	102
 Часть 6. Советы по дизайну	
Звездочка предпочтений	106
Пространственные приемы	108
 Заключение	111
Благодарности	111

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любовь повсюду. Пронизывает всё, соединяя и оживляя. У нее множество лиц и голосов, но все эти голоса скромны. Порой, неслышанные, они становятся настолько тихими, что, даже прислушиваясь, уже и не разберешь, какие истории они рассказывают. Но дай им пространство, позволь им снова зазвучать — и они запоют с двойной силой. Вот только найти для них пространство не так-то просто...

В 2020 году я писала свою первую книгу про ДОМ. Я размышляла о самом этом понятии и о том, как оно на нас влияет. В одной из частей книги я сделала обзор всех функциональных зон стандартного современного дома: комната для сна, для работы, для приема пищи, для гигиены, для хранения вещей и так далее. И вдруг заметила, что в человеческих жилищах есть место для всего, кроме одного, немаловажного: нет суверенного пространства для любви! Или, скажем прямо, — для интимности и чувственных желаний. Такого типа помещений нет в книжках по проектированию, для всех горизонтальных событий должно быть достаточно спальни. Но скажу вам по секрету на правах архитектора: по нормам требования к микроклимату и эргономике в современной спальне учитывают только качество сна. Редкий клиент, заказывая у дизайнера спальню, осмеливается озвучить свои повышенные требования к шумоизоляции, вентилированию, высоте кровати и устройству дверных замков. Нет спроса — нет и развития темы.

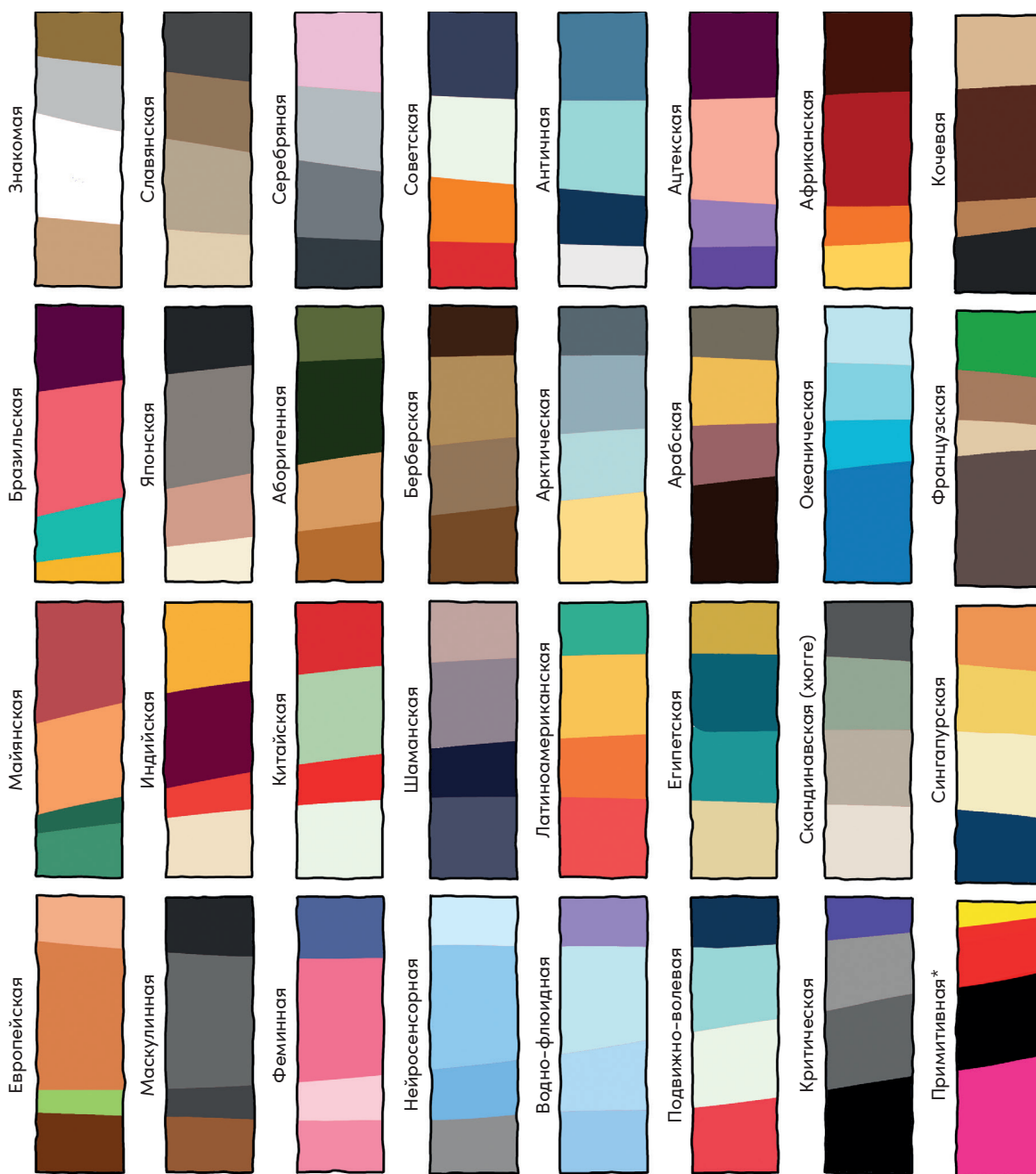
Я начала искать публикации, но находки не утолили мой интерес. Одна из самых многообещающих книг, с громким названием «Отели любви» (Love Hotels: The Hidden Fantasy Rooms of Japan, авторы Natsuo Kirino, Rod Slemmons, Misty Keasler), была посвящена дешевым придорожным гостиницам в Японии, на самом деле ничего общего не имеющим с ЛЮБОВЬЮ. Да и лад-

но, я готова была собирать крохи знаний в поисках практичных пространственных решений, ведь даже в оформлении мотелей могла затесаться пара ценных интерьерных приемов. Умыться да причесаться их — и можно, так сказать, использовать во благо: для частных интерьеров, где ЛЮБОВЬ и правда иногда поселяется. Но в японской книге не было ничего сказано о логике проектирования — почему комнаты выглядят именно так? Зачем? Какие принципы положены в основу? Начните изучать проектирование кухни — и вы поймете, что это целая наука! Всё осмысленно и технологично. Но забейте в поисковик запрос «интерьеры для любви» — и вас, скорее всего, завалит картинками черно-красных комнат, отделанных бархатом и кожей, с фотографиями интимных частей тела на стенах. Это всё равно что украшать каждую кухню картинками с изображением зубов, полагая, что это непременно должно повысить аппетит и настроить на здоровое переваривание пищи.

Так началось мое исследование этой темы. Меня интересует психологическая и физиологическая основа, на которой может выстроиться тот или иной дизайн. Я считаю так: у каждого дивана должна быть причина находиться на своем месте и уникальный сценарий использования. В процессе сбора и структурирования психофизических причин и сценариев и родился этот развлекательный проект — раскраска. На ее страницах я сделала подборку разнообразных моделей интимности, стараясь отвлечь читателя от его личного опыта и обратить внимание на зону неизвестного. Удивить, напугать, возмутить, вдохновить. Опыт ограничивает, не дает увидеть новое или накрепко забытое и распознать свои внутренние голоса и желания. Иначе говоря, я задалась вопросом, получится ли таким образом пробудить в читателях-художниках их образы любви.

Примеры цветовых кодов

Всего в раскраске будет 30 моделей: разного стиля, эпохи и, разумеется, с разными цветовыми кодами. Для вдохновения я собрала примеры цветовых сочетаний для каждой модели.

* Цветовой код банального понимания эротического интерьера, который в избытке можно найти в интернете и в дешевых мотелях, я назвала примитивной моделью. Здесь он оставлен для сравнения — насколько широк и разнообразен может быть спектр чувственных кодов помимо комбинации розового, черного и красного.

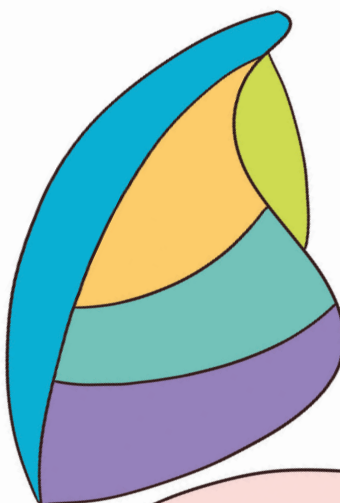
Цветовой код настроения

Цветовые коды могут обуславливать эмоциональные состояния. Попадая в пространство с определенной комбинацией оттенков, человек неосознанно поддается настрою, который она диктует. Вот несколько примеров таких кодов. Ваши собственные сочетания могут выглядеть иначе.

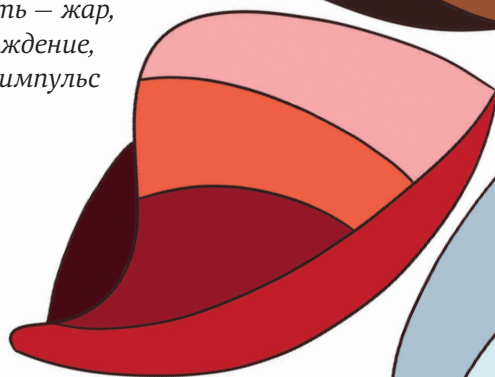
*Первобытность — инстинкт,
тело, древность, мрак*

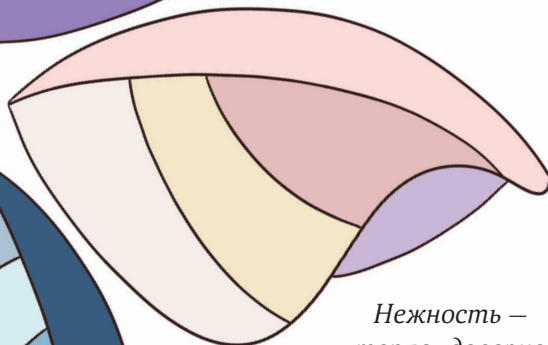
*Любопытство —
игра, внимание,
интеллектуальный
драйв*

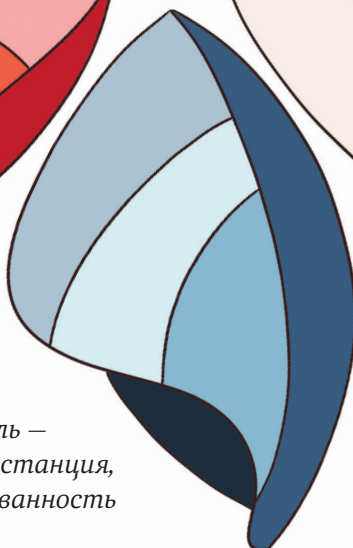
*Страсть — жар,
возбуждение,
риск, импульс*

*Нежность —
тепло, доверие,
раскрытие*

*Контроль —
четкость, дистанция,
структурированность*

Примеры для раскрашивания

Раскрашивание — это необязательно заполнение замкнутых зон разными цветами. Вы можете использовать любые техники. Правил здесь нет, есть лишь границы фантазии, заданные вашим опытом. Именно их расширению и посвящена вся эта книжка.

Можете, посмотрев на эти примеры, спросить себя: рисунок в какой из техник создает для вас более чувственное пространство?

Допустим, я задаю границы контурным рисунком. Вы можете подобрать комбинацию цветов и закрасить ими отдельные области...

А можете не ограничивать себя охотой за гармонией цвета и использовать все имеющиеся под рукой оттенки...

Или взять всего один-два карандаша — и рисовать только ими, изменяя силу нажима...

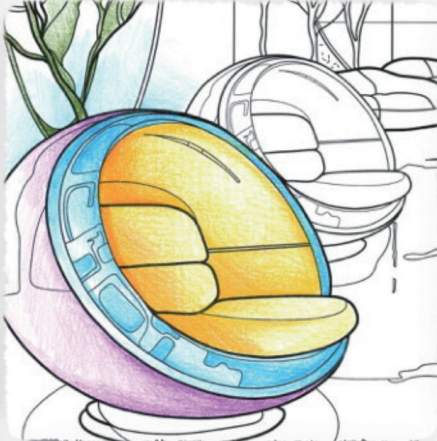
Или вообще проигнорировать мои линии и рисовать паттерны по своей логике...

А может, вам захочется добавить свои линии к уже имеющимся...

Или использовать только шариковую ручку. Рисование в монохrome хорошо тренирует умение выдерживать баланс в градациях

Я раскрасила несколько страниц, чтобы показать многообразие вариантов. Рисовала цветными карандашами и капиллярными ручками для мелких деталей. Здесь можно увидеть три ключевых приема: 1) штриховку с наложением цветов; 2) игру с силой нажима для получения градиента и 3) глейзинг (или лессировку) с постепенным уплотнением цвета.

Техники раскрашивания

Если вы не профи в рисовании, вам, возможно, хотелось бы тоже овладеть описанными техниками. Сейчас расскажу, как это делается. Не бойтесь пробовать, не бойтесь испортить лист — без вашего творчества в рисунках нет жизни!

Для крупных фрагментов я использую толстые цветные карандаши, а для мелких деталей — капиллярные лайнеры.

Самый главный прием — это штриховка с изменяемой силой нажима (градиент). Чем сильнее нажим — тем ярче цвет. Чем слабее — тем оттенок светлее, прозрачнее.

Если нажим не менять, получается равномерное заполнение одним цветом. Такой прием я использую для наслоения. Так образуются акценты.

Третий прием — это сочетать первые два трюка, меняя цвет карандаша. От наслоения цветов рисунок оживает.

Всё! Теперь применим эти приемы на практике. Перо раскрашено в четыре шага. Попробуйте повторить эти шаги на образцах снизу. Посмотрите: цвет один и тот же, но оттенок первого пера светлее, чем третьего. Это из-за нажима карандаша.

Итак, меняя нажим, получаем фон.

Усиливаем градиент тем же карандашом.

Делаем градиент в разных местах.

Добавляем другие цвета — тоже градиентом.

А теперь теми же самыми приемами пробуем изобразить разные материалы и явления.

Итак, смотрим на рисунок и решаем, какие из линий нам хочется объединить, а в каких местах, наоборот, добавить свои.

Начинаем всегда с тонировки одним цветом. Нажим легкий, местами сходящий на нет: так мы получаем градиент.

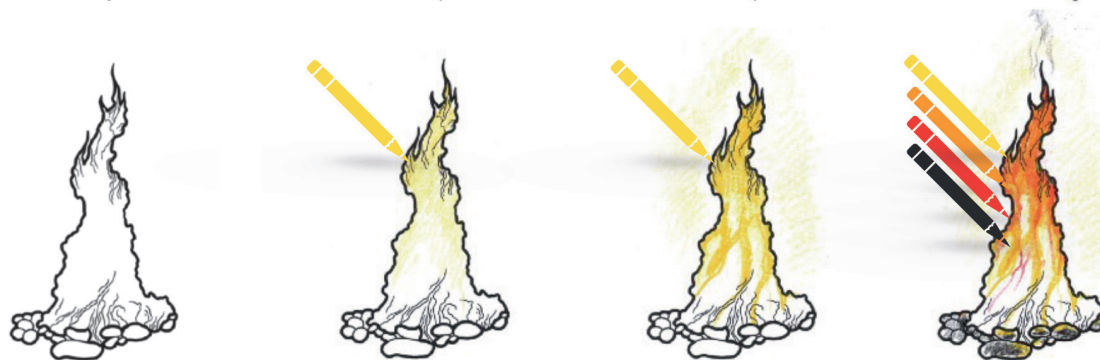
Затем тем же цветом акцентируем некоторые зоны, регулируя давление карандаша. Вокруг огня можно прорисовать свечение.

И наконец, добавляем другие цвета. Точно так же играем с нажимом, создавая градиент.

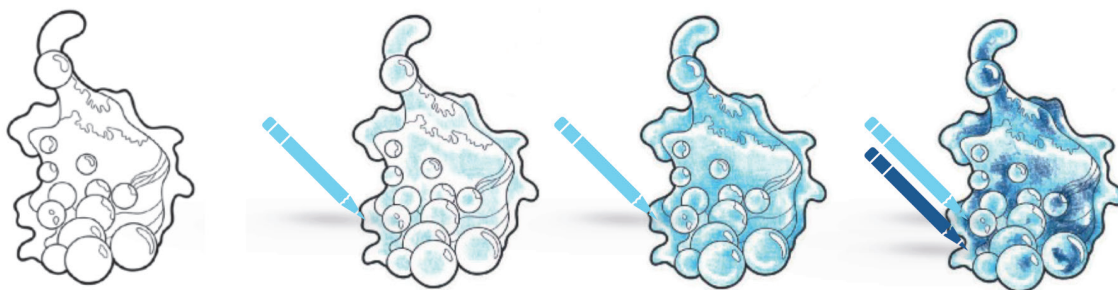
Растение

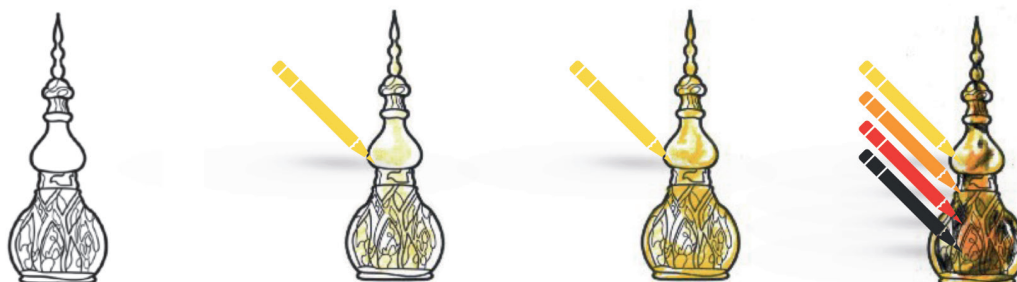
Огонь

Вода

Металл

Еще немного тренировки – и всё те же техники.

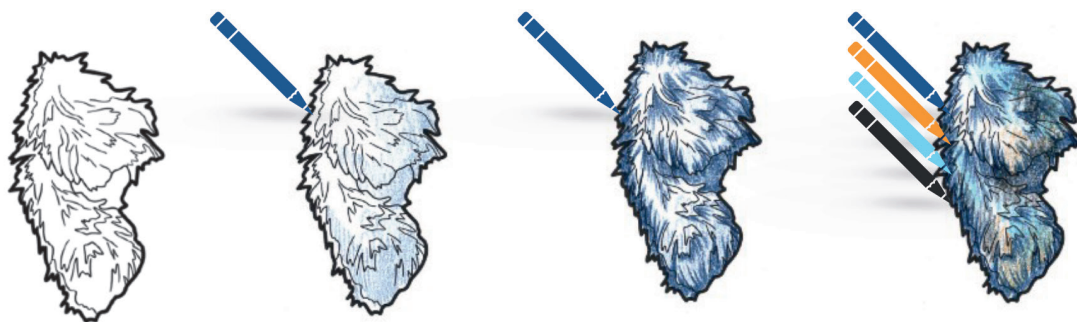
Попробуйте представить, как бы выглядело то, что вы хотите изобразить, в реальности. С какой стороны на него падает свет? Какая у этого форма?

Иногда большую часть закрашиваемого объекта можно вообще оставить белой, сделав только тени по краям.

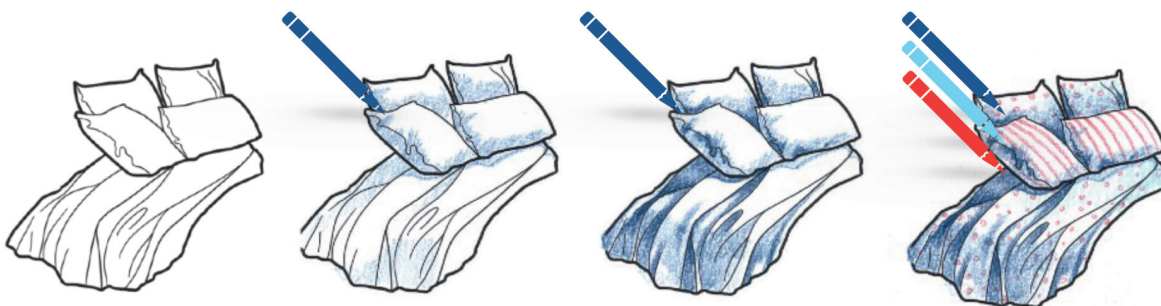
Цветовые акценты добавляем и тонкими штрихами-«ворсинками» (например, в мехе), и мягкими округлыми тенями (как у дыма).

Добавление других цветов оживляет картинку. Вы можете прорисовать узор на ткани или отдельные «ворсинки» другого цвета.

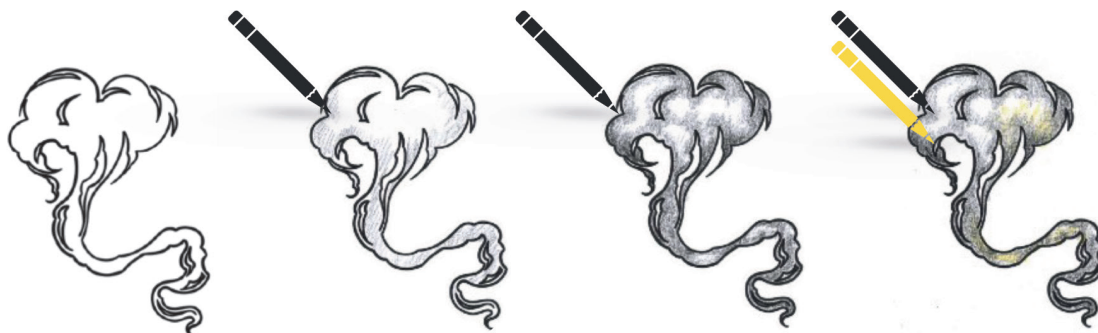
Мех

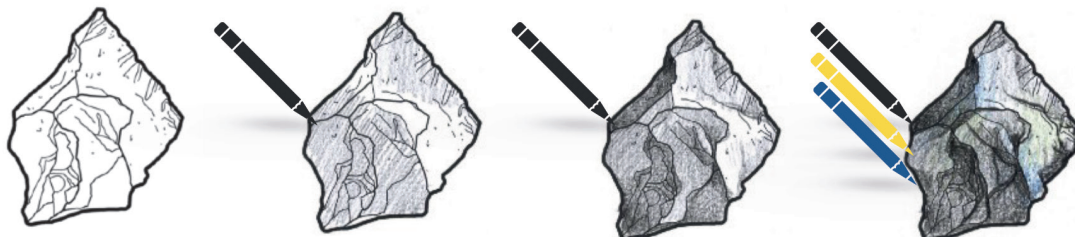
Ткань

Дым

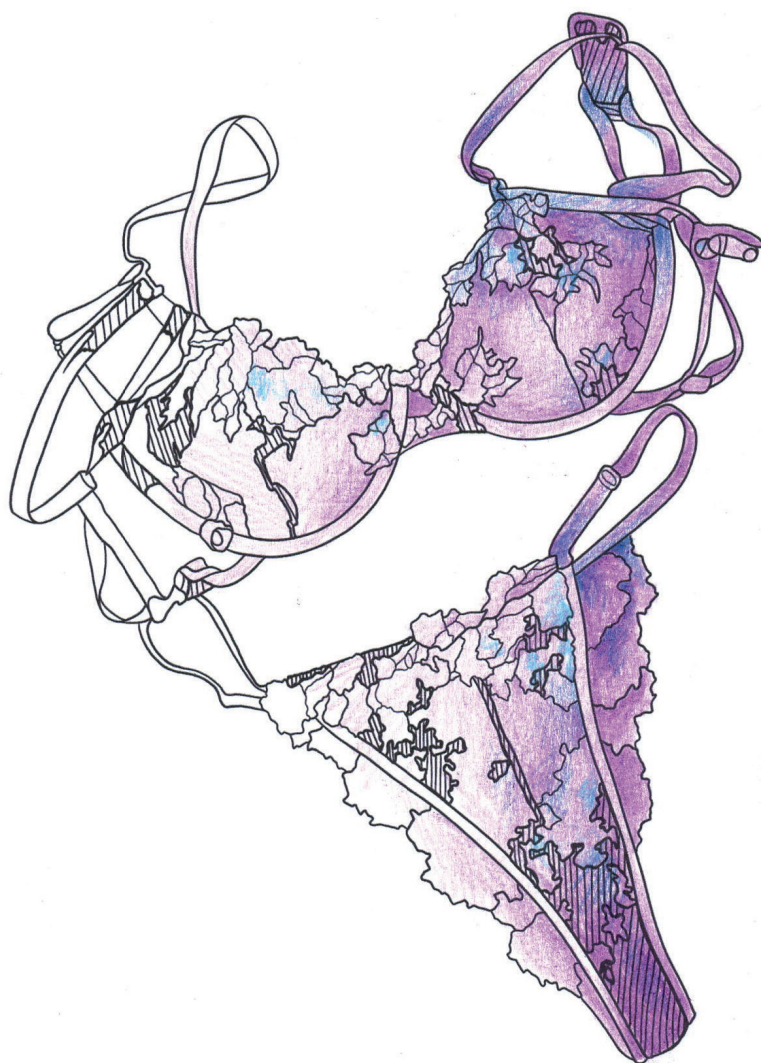

Камень

Часть 1

Как выглядит ваша спальня?*

* Спальня — это место для сна, работы, хранения вещей, а иногда даже для любви...

Знакомая модель

Сценарии, сформированные опытом

Из чего складывается чувственность при восприятии пространства? Красиво показанные тела партнеров, приятная музыка, горящие свечи, мягкие драпировки тканей... Примерно так? Но вздумайте: ведь всё перечисленное можно представить практически в любом пространстве дома: гостиной, кухне и даже на балконе — однако чаще всего, говоря о чувственности, интимности и эротическом переживании, мы имеем в виду происходящее в спальне.

Все люди совершенно разные, и всё же современные спальни практически одинаковы независимо от культуры и страны: кровать, светильник, тумбочка и прямоугольное окно за тяжелыми портьерами. Журналы по дизайну создают иллюзию разнообразия: вы можете выбрать цвет изголовья — серый или белый. Большую или компактную кровать, с коваными ножками или вообще без них... но в итоге суть одна и та же, ничего нового, никакого существенного развития в сфере эротического дизайна или понимания человеческой психологии. Сравните прабабкину кровать и свою: они похожи — горизонтальная площадка и что-то мягкое под головой. А теперь сравните свою кофемашину и прабабкину... Да не было у нее такой дребезжащей бесовщины!

Так выглядит прогресс. И тему интимности он обошел стороной — по большой дуге. В итоге мы все по привычке программируем схожие сценарии и почти в каждой квартире получают спальни, а не «любовни». Посмотрите на картинку. Она может напомнить вам номер отеля. Или вашу собственную спальню. Или спальню ваших родителей, или вообще любого из ваших знакомых. Здесь можно хорошенько выспаться, ничто не вызывает беспокойства. Каждый элемент, от мебели до декора, служит эргономике. Это безопасное пространство, но оно не отражает ничьей индивидуальности. Эта модель не дает возможности узнать себя, потому что сексуальность оказывается зажата в рамках привычной рутины, которая воспроизводится снова и снова.

Минимализм, эффективность, удобство — вот современные идолы, которым поклоняется массовый дизайн, стремясь избежать обвинений во вкусовщине. Но чем мы заплатили за смесь табу и дизайнерской трусости? Что потеряли, променяв поиски новых форм чувственности на комфорт ортопедического матраса? Как выглядела бы «кофемашинка для спальни», не потеряй мы интерес к поиску новых горизонтов чувственности и интима?

Что предшествовало известному нам стандарту? Нам стоит вернуться к истокам и переосмыслить свое понимание чувственности!

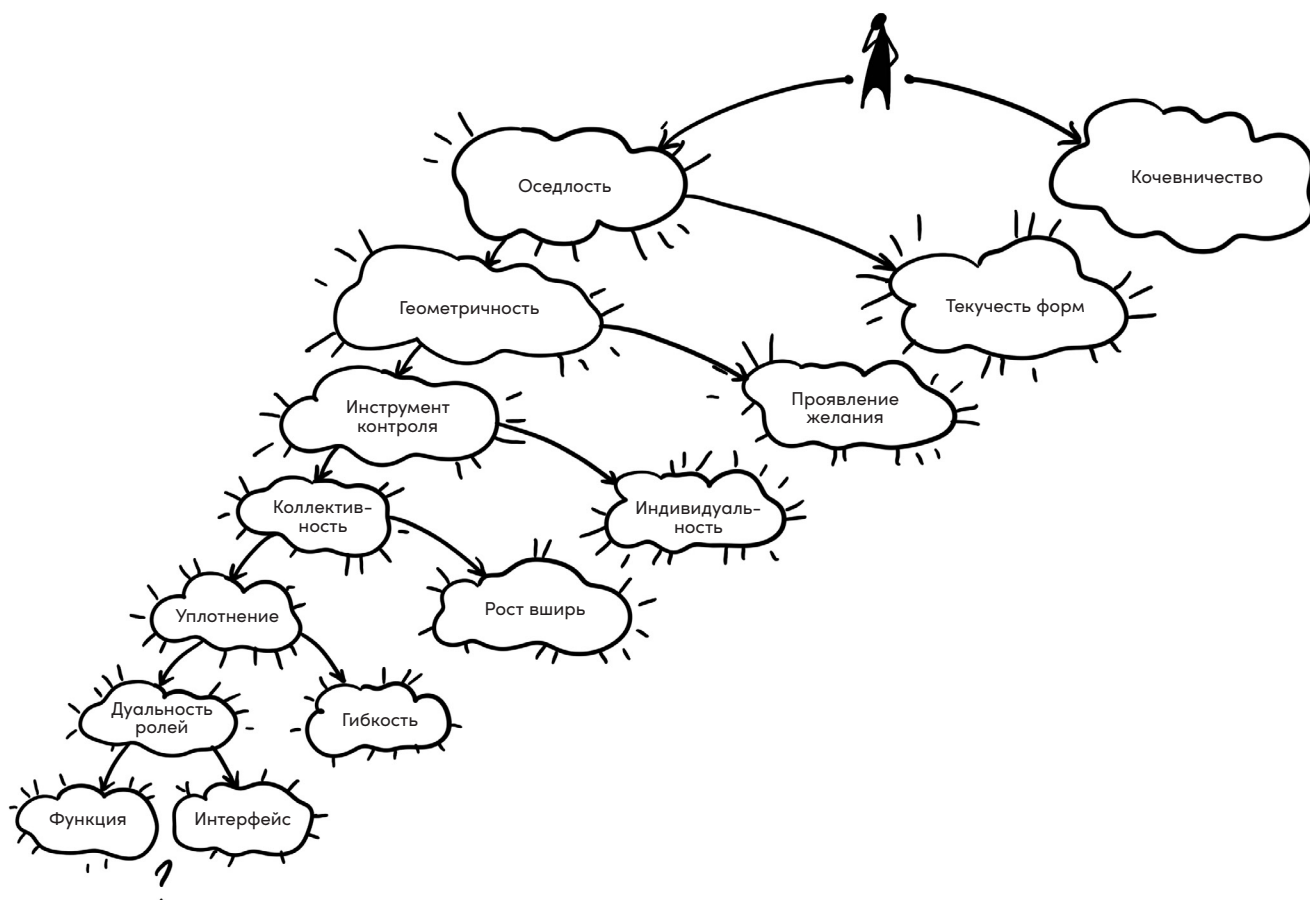

Догадки о развитии чувственности

Вспомним фрагменты истории и выстроим свое толкование того, как влияют друг на друга окружающее пространство и человеческая чувственность. Наша цель — не историческая реконструкция, а исследование закономерностей. Я считаю, что эротичность человека обусловлена культурной средой и различается от страны к стране. То, что в одной цивилизации воспринималось как естественная часть жизни, в другой было окружено ритуалами и запретами. Формирование этих различий зависело не только от религии или социальных норм, но и от климата, плотности городской застройки и политических приоритетов. В теплых регионах чувственность проявлялась в открытых пространствах (римские термы, полинезийские дома), в более суровых условиях интимность требовала защиты и камерности (русские избы, японские татами-комнаты). В обществах с сильной централизацией власти сексуальность строго регулировалась (гаремы, закрытые дворцы), в более свободных культурах — становилась частью коллективных практик. Эти различия создавали не просто разные интерьеры, но и уникальные способы взаимодействия с телом и с самой идеей близости. Я покажу восемь исторических разломов — каждый из них породил собственную ментальную модель, а та, в свою очередь, привела к рождению особого типа пространства чувственности. И на какой-то из веток вы сможете найти себя.

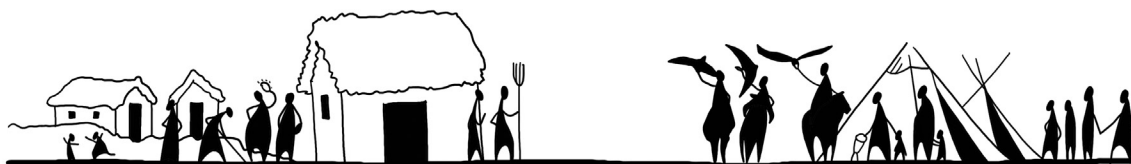
Вы, смею предположить, являетесь порождением такой вот модели:

оседлость + геометрия + контроль + коллективность + уплотнение +
индустриализация + функция + дуальные гендерные сценарии.

I. Оседлость vs кочевничество (10 000–3000 до н. э.)

Что важнее — стабильность или способность к быстрой адаптации?

Представьте себе момент, когда кочующий с места на место человек оказался перед выбором: продолжать двигаться дальше или обосноваться на ближайшем холме? Будем считать это мгновение первым историческим разломом. Если этот наш гипотетический человек откажется от кочевничества, его дом станет неподвижным и на него можно будет напасть со всех сторон, убежать со всем скарбом не получится. Но если разработать систему контроля, то здания станут неприступными. Увеличатся размеры и сложность строений, появится возможность заниматься земледелием. Человек впервые ощутит, что такое стабильность, а затем станет достаточно быстро развиваться. Так мы получаем культуры с жесткой иерархией, где пространство становится инструментом порядка. Мы говорим об оседлых обществах, сформировавшихся в близости к водоемам и плодородным землям, — Египет, Месопотамия, цивилизации Инда и Китая.

Дома тех народов, что продолжили кочевать (степные кланы, берберы, монголы, австралийские аборигены), существовали в динамическом взаимодействии с ландшафтом, а не были неподвижными точками на карте. Юрты и шатры позволяли перемещаться, адаптируясь к климату, сезону, миграциям животных. Жилище могло расширяться для ритуалов, закрываться для уединения, разбираться и заново собираться.

Что же происходит с эротичностью в результате этого разлома? Любовь в оседлых обществах обретает рамки — появляются будуары и гаремы, закрепляются жесткие роли. Кочевые же культуры воспринимают близость как ситуативный и подлежащий адаптации процесс. В оседлой культуре тело можно холить и лелеять, оно становится объектом эстетического труда — косметика, зеркала, сложные ритуалы красоты, многослойные одежды, хитроумные прически. В кочевой культуре тело должно быть функциональным, готовым к перемещению, а его красота оценивается иначе — по силе и ловкости. К какой ветке, по-вашему, относитесь вы? И совпадает ли ваша реальность с вашим восприятием собственной природы?

Немногочисленные кочевники существуют и сегодня, но в целом можно сказать, что идея оседлости в итоге победила. Сегодня мы можем жить в разных странах, проводить месяцы в кемпере, но всё равно верим, что жизнь удалась, лишь тогда, когда у нас есть собственный дом, куда можно вернуться. Жизнь в движении воспринимается как временная нестабильность, а не как полноценная альтернатива оседлости.

II. Сакральная геометрия vs текучесть форм (3000–500 до н. э.)

Должна ли архитектура воплощать гипотезы человека об устройстве высшего порядка или ей стоит знать свое место и следовать природным формам, не отягощая ландшафты агрессивной геометрией?

Архитектура перестала быть просто средством защиты от дождя и ветра — она превратилась в язык, в способ отражения мироустройства. При интерпретации мира и происходит следующий разлом: одни культуры выбрали доминирование над природой, другие — адаптацию под ее условия.

В цивилизациях сакральной геометрии (Египте, Греции, Китае) жилое пространство создавалось по идеальным пропорциям и с колоссальным количеством символов. Архитектура становилась кодом божественного порядка — храм был не просто местом молитвы, а воплощением небесной гармонии.

В адаптирующихся культурах (дравидские цивилизации Индии, андские культуры, Полинезия) архитектура была органичной, формы — текучими. Она не подчеркивала власть, а растворялась в среде, следуя рельефу и климату. Здесь человек не навязывает свои формы, а сосуществует с уже имеющейся живой средой.

В интимности этот разлом выразился в появлении двух направлений. В сакральных системах близость кодируется в ритуал через строго заданное место и сценарий для нее, будь то античные термы или гаремы Османской империи. В культурах текучести эротика связана с адаптацией под природное окружение и братско-сестринское сосуществование со стихиями. Такое сосуществование влияет на циркадные ритмы организма и диапазон того, что мы называем комфортом. Вода охлаждает разгоряченную кожу, ветер сушит волосы, ночь приносит прохладу, а утро — влагу. Близость не подчиняется сценарию и не зафиксирована в одном месте: любовь может случиться на холоде, в воде, в пыли, на ветке дерева или на шелковой подстилке.

Сакральная геометрия взяла верх. Пусть она и потеряла изначальную символичность и богатство деталей, но жесткие геометричные формы остались встроены в наши города, похоже, навсегда. Изредка возникающие бионические эксперименты какого-нибудь мечтательного архитектора с формой проигрывают домам-коробкам практически по всем фронтам.

III. Пространство как инструмент контроля vs пространство как проявление желания (500 до н. э. — 1000 н. э.)

Пространство должно ограничивать телесность или пробуждать ее?

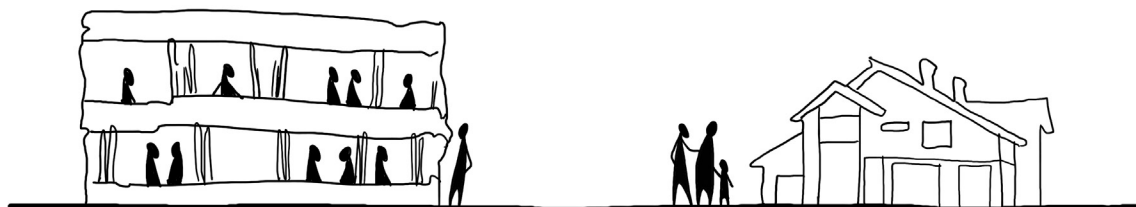
На этом этапе архитектура давно уже не просто «контейнер» для тела, она — инструмент регулирования поведения. Но к политическим и религиозным интересам добавляется новый фактор: массовые эпидемии, возникающие в условиях большой плотности населения. Болезнь впервые начинает восприниматься как следствие физической близости, а не как случайность или божественное наказание. Именно эпидемии и становятся катализаторами архитектурной трансформации, заставляют человечество переосмыслить понятие безопасности физических контактов. Где-то в это время и появляется идея, что невозможно быстро объяснить темному люду, как распространяются болезни и почему надо какое-то время держаться на расстоянии друг от друга. Гораздо проще создать условия, где такой возможности даже не появится. Пространства начинают проектироваться так, чтобы изолировать людей друг от друга, минимизировать прикосновения. Это архитектура запрета: экраны, решетки, занавеси, отдельные входы. Появляется понятие зонирования на чистое и грязное, общественное и приватное.

Причины появления архитектуры запрета понятны. Но можно предположить, что эволюция архитектурных форм не сводится к реакции на запрет. Наряду с системами контроля возникают и такие пространства, где телесность не нуждается в подавлении и потому не требует компенсаторных механизмов. Так возникают и другие траектории развития, в которых пространство изначально мыслится не как механизм сдерживания, а как компаньон телесного опыта. Это порождает третий разлом мышления: нужно ли нам всё же полностью контролировать телесное взаимодействие ради выживания — или можно превратить архитектуру в союзника своих желаний? Пусть она не запрещает, а подыгрывает телу, провоцирует и направляет, создавая намеки и подогревая ожидание. Любовь и чувственность превращаются в игру с доступностью: зеркала, лабиринты, тайные ходы. Так рождались французские будуары, дворцы с потайными комнатами и театры эротической интриги.

Пространство как инструмент контроля в итоге, конечно, победило, и формы этого контроля эволюционировали. Он проявляется на всех уровнях — и на улице, и в спальне. Архитектура задает невидимые границы: тонкие стены и плохая звукоизоляция заставляют близость сжиматься и приглушаться. А социальные ритмы не оставляют для интима не только места, но и времени. Мы с ранних лет учимся регулировать собственные импульсы и помнить, что стены слушают, а у соседа в доме напротив наверняка есть бинокль.

IV. Городское уплотнение vs территориальная экспансия (с момента образования первых городов)

*Развивать города вертикально или позволять им расползаться
вширь?*

И вот мы имеем плотно застроенные города, но места для всех все равно не хватает. Возникает очередной выбор: как размещать новые жилые ячейки? Одни культуры решили распространяться вширь, застраивать всё новые пригородные зоны. Другие пошли по пути высотного строительства, создавая компактные пространства и встраивая в них сразу несколько функций.

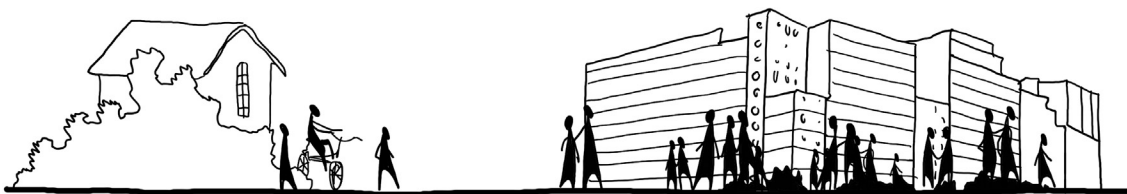
На Западе и Ближнем Востоке плотность населения еще оставляет возможности для модели горизонтальной экспансии. Города увеличивают периметр, расширяют границы. В Китае и Японии, напротив, городская модель вынуждена пойти по пути вертикального уплотнения. Так возникают и развиваются идеи оптимизации пространства. Здания становятся гибридными: в одном доме могут находиться жилье, торговая лавка, молельня — и тут же баня. Если в европейских домах интимность не ограничена жесткими рамками, то в культурах уплотнения пространство сжимается, интимность смещается в маленькие, камерные уголки, появляются перегородки, ниши, многофункциональная мебель. А иногда интимность вообще выносится за границы дома: возникают капсульные отели, желающим побыть наедине предлагают специальные романтические туры.

Теснота постепенно начинает формировать само представление человека о допустимом диапазоне телесности. Сжимается спектр возможных сценариев. Тонкие стены, близость соседей создают невидимый коридор поведения, и в нем тело должно быть тихим, аккуратным, контролируемым. Интимность становится быстрым и сдержанным действием, которое не должно оставлять следов. В такой среде близость со временем редуцируется до функции — как сон или гигиенические процедуры. В отсутствие пространства для телесного опыта человек испытывает на себе парадоксальный эффект: он живет в обществе, где много говорят о сексуальности, но при этом почти не знает собственного тела и не понимает своего партнера. Чтобы научиться чувствовать, требуются время, тишина, возможность двигаться и ошибаться, смеяться и шуметь. Если пространство этого не допускает, опыт просто не возникает. Другой эффект — это прорыв подавленных желаний, выражаемый в смещении эротических предпочтений в сторону радикальных практик.

В итоге большинство людей оказались в плотно заселенных городах. Это очевидный исход: управлять компактной застройкой проще, обширные территории требуют колоссальных ресурсов, инфраструктура становится неэффективна. Но чем интенсивнее и компактнее застраиваются города, тем более утилитарной становится архитектура чувственности. Именно поэтому в наших квартирах вообще не предусмотрено пространство для занятий любовью — только для сна: без любви прожить можно, а без сна — нет.

V. Связь с природой vs индустриализация (1900–2000)

Архитектура должна быть продолжением тела или отражением механического порядка?

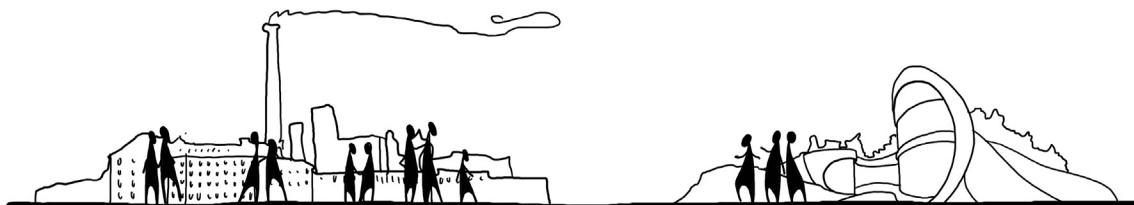
Индустриализация изменила всё. Город стал каркасом, вместившим в себя множество функций. Когда пространство начали проектировать как среду для потока производственных процессов, архитектура потеряла свою ритуальную значимость. Она подчинилась законам эффективности, где всё имеет строгий сценарий и минимальный эмоциональный вес. Для функционирования созданы все условия: каждому человеку доступно минимальное количество квадратных метров жилья, тепла и воды. Общие пространства стерильны и не терпят следов индивидуальности, а природа вытеснена в островки зелени. Даже «экологичность» встраивается в эту систему безжизненной древесины и бежево-серыми оттенками. Редкое исключение составляют как небольшие частные архитектурные эксперименты, так и достаточно крупные проекты государственного масштаба (Токио, Сингапур, Гонконг), стремящиеся объединить технократическую реальность с природной средой. Помимо интеграции природы в жилую среду, здесь наблюдаются попытки сохранить живость и адаптивность архитектуры за счет встраивания в быт повседневных телесных ритуалов, работы с эмоциональными состояниями человека и допущения индивидуальных сценариев использования пространств.

Оторванные от природы и вытесненные в индустриальной застройке за пределы частного жилища «пространства для любви» создаются по принципам постановочного дизайна. Это закрытые, полутемные комнаты с глянцевыми поверхностями, латексом, бархатом и агрессивной палитрой кричащих цветов. Подобные интерьеры становятся средой общественного заблуждения о том, что для современного человека означает эстетика эротичности. Природные концепции, наоборот, поддерживают хаос и органичность. Здесь сексуальность проявляется не в нарочитости дизайна, а в интеграции в пространство интимности природных текстур, запахов и звуков. Разумеется, сила «связи с природой» очень сильно зависит от того, какая именно «природа» находится за окнами, какой климат. Если там –30 или плотный смог, проще не открывать окна вообще.

Каноны индустриального дизайна победили. Чистота поверхностей, отсутствие насекомых и неприятных запахов, стандартизация пространства стали нормой, и сегодня мы воспринимаем всё это как естественное. Если грамотно использовать современные технологии, можно привнести природу в архитектуру другим путем: биофильные интерьеры, умные экосистемы, симуляции естественной среды. Но даже с этим нам уже не вернуться к изначальной, домашней чувственности. Мы заменили теплые камни искусственными обогревателями, свежий воздух – системами климат-контроля, шум дождя – алгоритмами ASMR. Теперь это не природа, а продукт нашего желания верить, что мы еще можем к ней прикоснуться.

VI. Индивидуальность vs коллективность (с Античности и до наших дней)

Пространство должно выражать личность или подчинять ее системе?

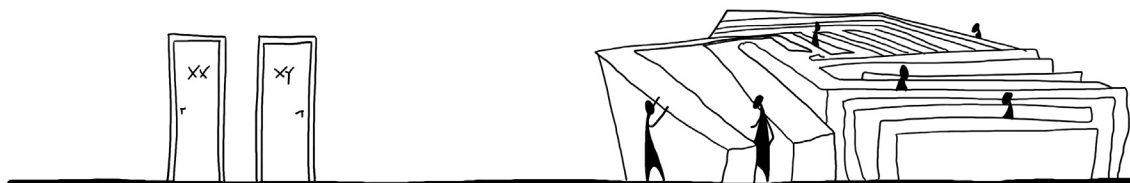
Здесь я перестаю привязываться к историческим рамкам, поскольку разломы, перечисленные далее, не имеют конкретной датировки. В разных культурах они могли возникать в разное время, мы рассматриваем лишь факт их наличия. Этот разлом случается, когда архитектура становится отражением общественного устройства. Что важнее — частное или общее? В Европе и Средиземноморье постепенно утвердился культ индивидуального дома. Личное жилище — это отражение статуса, демонстрация самодостаточности. Высокие заборы, тяжелые двери — архитектура защищает частную жизнь от посторонних глаз. В Китае, Японии, Индии, на Ближнем Востоке сложился другой подход — культ коллективного пространства. Здесь важнее была не личная территория, а связь между людьми. На этой ветви пространство не принадлежит конкретному человеку, оно формируется вокруг семьи или другой социальной ячейки. В современности люди нередко оказываются в одном пространстве вынужденно, из-за нехватки места или дороговизны жилья.

В индивидуализированной культуре рождаются персонализированные сценарии близости: регулируемая температура, свет, адаптированная под ваше тело мебель. В коллективной культуре близость вписывается в общественный ритуал: несколько поколений живут под одной крышей и иногда не только делят гостиную и кухню, но и спят в одном помещении.

И хотя кажется, что планета застроена частными коттеджами, в массе коллективность побеждает, что неудивительно, учитывая уплотнение городской застройки. Мир становится всё более слепленным, но одновременно и более фрагментированным. В некоторых развитых обществах институт семьи разрушается и разные поколения больше не живут под одной крышей. Однако это дробление происходит в пользу не личного уединения, а системы общества-государства, которая подменяет семью. Человек идет теперь со своими недугами не к знахарке, а в поликлинику, а за займом — не к дядьке, а в банк. Горожане окружены «безграничной семьей». Но парадоксальным образом человек при таком гиперколлективизме ощущает себя максимально одиноким.

VII. Фиксированные роли vs гибкость (почти вся история человечества)

Пространство должно создавать и поддерживать четкое распределение общественных ролей или способно стать инструментом трансформации?

Исторически в большинстве культур архитектура закрепляла гендерные сценарии. Гаремы и женские покои создавались не для удовольствия женщины, а для ограничения свободы ее передвижения. Мужские пространства, напротив, были открытыми, публичными, предназначенными для демонстрации власти. В такой системе сексуальность женщины подчинялась пространственному контролю. Мужские пространства (кабинеты, охотничьи клубы) создавались для ритуалов своеобразного спектакля, где сексуальность была встроена в игру статусов.

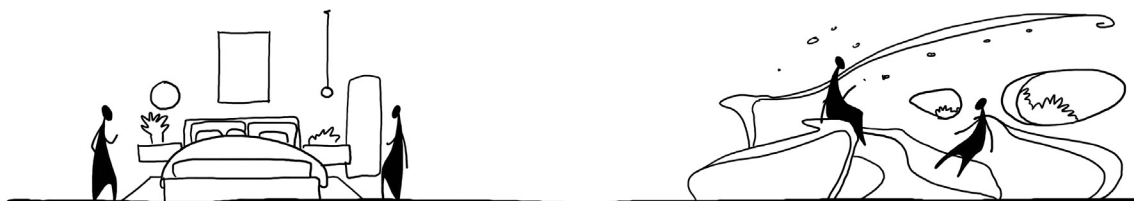
Некоторые сообщества пошли по другому пути — сексуальность в них не фиксирована и может быть проявлена разными путями. В таких культурах пространство позволяет человеку менять роли. Японский театр кабуки, где мужчины играют женские роли, создавая сценарии амбивалентности чувств. Индуистские концепции андрогинности, когда боги объединяли в одном теле мужское и женское начала. Шаманские ритуальные хижины, где подросток мог пройти обряд трансформации, проживая разные режимы телесного опыта.

В пространствах, допускающих гибкость, архитектура перестает фиксировать человека в одной роли. Но речь здесь не столько о смене мужского и женского. Всё гораздо глубже — возникает возможность на время освободиться от самой структуры ролей. В обычной жизни человек почти никогда не существует как тело. Он или она постоянно кем-то являются: матерью, партнером, руководителем, ребенком, ответственным взрослым. Каждая из этих ролей несет в себе ожидания, нормы поведения и внутреннюю цензуру. Мы привыкаем двигаться внутри этого каркаса, почти не замечая его. Архитектура способна на время ослабить эту конструкцию. Пространства ритуала, маскарада, игры или уединения позволяют человеку немного разъединиться с собственной социальной фигурой: привычные обязанности временно перестают действовать. Когда человек выходит из рамок привычного сценария, он становится менее защищенным, что, безусловно, тревожно. Однако взамен он получает возможность на время растворить свою идентичность и пережить себя заново.

Мне кажется, на данный момент мы находимся в эпицентре гендерного разлома, и я думаю, что дуальная гендерная модель побеждает. Самый большой вопрос в том, справится ли система с хаосом амбивалентности, ведь именно от этого зависит мнение общества об архитектуре, не закрепляющей гендерные роли.

VIII. Пространство как функция vs пространство как интерфейс развития человека

Должна ли архитектура обслуживать потребности тела или пространство может стать проводником трансформаций, новых переживаний, расширения чувственности?

Многие века архитектура обслуживает телесные потребности. Пространство существует как пассивная оболочка, внутри которой разыгрываются предсказуемые сценарии жизни: здесь вы работаете, а тут занимаетесь любовью. Новые исследования в области нейроархитектуры могут перевернуть логику проектирования. Пространство больше не просто фон — оно активно включается во взаимодействие. Сегодня краски могут менять цвет, стекла — терять прозрачность, стены — реагировать на движение, а температура, подсветка и акустика настраиваются в соответствии с состоянием человека на основе информации с его наручных часов. Граница между интерьером и телом становится гибкой: пространство может расширять чувственный опыт и совершенствовать поведение человека в соответствии с его запросом.

Этот разлом способен кардинально поменять саму идею эротичности. По мере того как человек начинает активно исследовать себя, границы привычного опыта расширяются и теряют свою прежнюю жесткость. Это будет происходить быстро, поскольку случится не с человечеством как с некоей массой, а с миллиардами индивидуумов, каждый из которых в своей уединенной комнатке будет изучать собственную сущность, психику и тело.

Функция или интерфейс — что победит? Логика подсказывает, что функция, потому что ее механизмы и последствия ее работы известны и не пугают так, как непредсказуемые перспективы массового личностного роста. Или перелом неизбежен, и в этом кроется много интересного? Делайте ставки.

Итак, резюмируем.

Ваши желания, представления о комфорте, даже восприятие собственного тела — всё это не абстрактные идеи, а ментальные коды, встроенные в сознание. Родись вы в другом месте, могли бы расхаживать голышом в присутствии друзей и родственников и вас бы это ни чуточки не смущало. Или часами молча глядеть на партнера, даже не прикасаясь к нему, — и это стало бы высшим проявлением чувственности. Вы могли бы не знать понятия «частная собственность» или вообще не иметь власти над собственным телом. Или в принципе не делили бы желания на «правильные» и «неправильные». Но вы здесь и вы — это вы.

Часть 2

Вдохновение в своих корнях

Славянская модель.

Пространство продолжения рода

С чего вообще начинается притяжение между двумя людьми? Может, с высшей цели, заложенной на телесном уровне?

Мы начинаем изучение своих истоков со славянской модели — пространства, сотканного силой зарождающейся жизни. Здесь множество деталей, и каждая из них служит символом плодородия и связи с родом. Выберите сдержанные оттенки, чтобы подчеркнуть натуральность материалов — дерева, глины, меховых покрывал. И обязательно привнесите яркие акценты с помощью орнаментов. Это место вдохновенного слияния, здесь сексуальность созидательная, онтологическая, почти космическая. Тканые ковры и ручная вышивка, с любовью созданные хозяйкой этого дома, рассказывают истории о том, что было в прошлых поколениях — и отражают надежды на то, что случится в грядущих.

Серебряная модель.

Пространство имперской романтики и непоколебимой чести

А может, наше понимание чувственности и любви не ограничивается заложенной в генах программой? Может, есть в нас нечто поэтичное, некое стремление славить красоту и быть нежно любимыми? Эта модель отдает дань чести и трепетному блаженству, с которым поэты относятся к своим музам. Она вдохновлена культурой светлых поместий XIX века, шелестом воздушных платьев и звоном гусарских шпор. Я искала вводный образ для этой модели — и нашла: руки, оплетенные цветами и кружевами, как символ скользящей гипертрофированной нежности. Пространство серебряной модели — это возвышение женственности до идеала ангела. Высокие потолки, зеркала в резных рамах, тонкие занавески цвета пепельной розы колышутся на ветру... и книги, книги повсюду! Атмосфера аристократического совершенства.

Советская модель.

Пространство простого и честного функционала

Кроме нежности и стремления исполнить миссию, есть в нас какой-то прочный стержень, из которого рождается способность романтизировать любое окружение — даже реальность коммуналки и бетонных панелек. Я старалась сформулировать парадокс: пространство подчинено практичности, стабильности и социальным нормам, где эротичность остается секретом, а долг становится основой отношений. По идее, здесь нет места для индивидуальных отступлений от идеалов общества. Однако в этом удушающем удобстве и равенстве цветет неистребимая жажда творчества. Умение довольствоваться малым и оживать своим присутствием самый скучный дизайн породило целую характерную для своего времени категорию жилья, где в одном пространстве реализуется огромное количество процессов. Всё здесь: и учеба, и сон, и праздники с друзьями; и, конечно, любовь тоже здесь — тихо, чтобы никто не услышал. Это научило нас создавать многофункциональную мебель, стандартизировать интерьеры, использовать нейтральные цветовые комбинации, которые не надоедают даже через 20 лет. Все вещи находятся на своих местах, подчеркивая стабильность и демонстрируя достаток. А всё личное — мастерски спрятано.

Славянская модель

Пространство продолжения рода

ЗАРОЖДЕНИЕ
ЖИЗНИ

Серебряная модель

Пространство имперской романтики
и непоколебимой чести

ГОРДОСТЬ
И СУДЬБА

Советская модель

Пространство простого
и честного функционала

ГРАЖДАНСКИЙ
ДОЛГ

